

**ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ**

Читайте остросюжетные
романы **ТАТЬЯНЫ ШАХМАТОВОЙ**
в серии «Филологическое
расследование»:

УНЕСЕННЫЕ БЛОГОСФЕРОЙ

УДАР ОТТОЧЕННЫМ ПЕРОМ

ИНОСТРАННЫЙ РУССКИЙ

УБИЙСТВО ОНСАЙТ

Татьяна Шахматова

**ИНО
СТРАН
НЫЙ
РУС
СКИЙ**

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ШЗ1

Разработка серийного оформления
Яны Паламарчук

Шахматова, Татьяна Сергеевна.

ШЗ1 Иностраннный русский / Татьяна Шахматова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Филологическое расследование).

ISBN 978-5-04-092379-3

Студент Саша по протекции своей тетки, эксперта-филолога Следственного комитета Виктории Берсеновой, устроился преподавать русский язык иностранцам в военный институт связи. Конечно, он готовился к тому, что афганцы — люди абсолютно другой культуры. Однако, пообщавшись с ними поближе, Саша начал считать их чуть ли не инопланетянами! Не успел он наладить контакт с учащимися и включиться в рабочий процесс, как стал одним из подозреваемых в деле об исчезновении заведующей кафедрой, Каролины Сергеевны Ивановой! У нее было много недоброжелателей, под подозрением все преподаватели и некоторые студенты. И чтобы выяснить, куда пропала Каролина, Саше придется применить все навыки, что он получил, работая вместе с Викторией над самыми запутанными делами, ведь она умеет вычислять преступников, даже не выходя из дома, по одним только текстам...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шахматова Т.С., 2019
© Оформление. Я. Паламарчук, 2019
© Оформление.

ISBN 978-5-04-092379-3

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Где?

Может быть, кто-то начинает с другого вопроса, но я начал с вопроса «где?». Это была моя первая, но не единственная ошибка.

Ответ на этот вопрос оказался некрасивым и неожиданным.

Сидеть неудобно. Встать с заплыванной старой лавки нет никакой возможности. В тупиковом коридоре, отгороженном от всего остального мира железной решеткой грязно-зеленого цвета, имеются только двери и ни одного окна. Пахнет пылью. Меня мутит, то ли от того, что я снова не успел позавтракать, то ли от ужаса, то ли от того и от другого. Изредка из кабинета в кабинет проводят кого-нибудь на допрос. Многие в наручниках. У кого-то руки сложены лодочкой на поясище, у кого-то — на животе. Кому как повезло или кто как провинился. У меня один наручник надет на

руку, а другой пристегнут к лавке. Целый час, а может быть, два, на меня никто не обращает внимания. Телефон отобрали еще на входе, заняться решительно нечем.

Где? «В отделе по особо тяжким делам». Привезли меня сюда прямо с места преступления: так теперь в полицейских отчетах называется институт и кафедра, на которой я работаю. Я один в городе. Даже если бы мне вернули телефон, звонить все равно некому. Хуже не придумаешь.

Наконец открылась дверь с табличкой «капитан Садыков С. М.». Капитан сам отстегнул мой наручник и с притворной вежливостью пригласил в кабинет:

— Заходите, Александр Сергеевич, подпишем протокол задержания.

* * *

Сейчас, находясь в отделении полиции, я вспоминал последние два с небольшим месяца, как сон. Я бы много отдал за то, чтобы можно было проснуться или начать все сначала.

Как я уже упомянул, начал я с вопроса «где?». А это не самый лучший вопрос для вступления в беседу.

Если, например, использовать вопрос «откуда?», то создается даже определенная светская отстраненность, романтическая дистанция: «Откуда вы?», «Were are you from?», «D'où venez-vous?».

К такому разговору не придерется даже чопорный англичанин.

— Прекрасная погода, не так ли?

— Чудесный денек! Там, откуда я приехал, не часто увидишь такое ясное небо.

— А откуда вы?

— Из Йоркшира.

Хорошее начало хорошего разговора.

В свою очередь, вопрос «где?» очень фундаментальный. Он вторгается в вашу личную жизнь, как айсберг в механическое нутро «Титаника», режет, колет, заливает холодной водой. Он удобен разве что на допросе: «Где вы живете? Где работаете? Где учитесь? А где мы сейчас?»

Однако методичка советовала начать именно так, и я начал, потому что собственного опыта для собеседования иностранцев у меня не было. Причина банальна: чтобы ответить на вопрос «где?», в русском языке достаточно использовать только одно окончание Е. Где? *В городЕ, в квартирЕ, в полЕ, на заводЕ, в университетЕ, в МадридЕ, в МосквЕ.*

Предложный падеж, отвечающий на вопрос «где?», методичка рекомендовала отныне звать падежом номер шесть. Помните? Именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный.

А теперь представьте, что это все вам надо объяснить не вертлявому балбесу-пятикласснику Вовочке, а человеку, который не то что читать-писать

по-русски не умеет, но даже русский алфавит видит впервые и испытывает в его отношении примерно тот же ужас, что вы перед арабской вязью, которой подписан ничейный чемоданчик, одиноко стоящий у колонны в аэропорту Шереметьево.

Если продолжать это пугающее сравнение, то русский язык в чем-то действительно похож на взрыв. Взрыв мозга. Причем, если мозг студента имеет шансы выжить за счет общего пофигизма или просто непроходимой невосприимчивости к иностранным наречиям, то мозг молодого преподавателя будет истреблен в этой борьбе до самого позвоночного столба.

Итак, два с половиной месяца назад я устроился преподавателем на кафедру русского языка как иностранного в Институт связи, который готовил военных связистов, инженеров и специалистов по телекоммуникациям. С этого все и началось.

Если бы я был домохозяйкой Наташей, женой грека, болгарина или француза, что живет в Европе и воспитывает двоих чудесных ребятишек, то я был бы уверен в себе. Мне не помешал бы строгий взгляд из-под очков Галины Петровны, моей школьной учительницы по русскому и литературе, оставшейся на далекой родине и позабытой, словно холодный, предутренний кошмар. «Опять тройка», — говорит строгий взгляд из-под очков, и на носу у Галины Петровны шевелится бородавка. «Поедем и поедим — это разные глаголы, деточка, разные!» «Одевать

Где?

Надежду, надевать одежду». «Жи, ши», «ча, ща», «жюри», «цыпленок на цыпочках»...

«Прорвемся», — беззаботно подумал бы я, будь я Наташей, и даже не поежился от смутно-тошнотворных воспоминаний о желтых, как в бреду Раскольниковова, кирпичках сборников ЕГЭ. Если бы я был волоокой Наташей с третьим размером груди и тоненькой экспортной талией, я танцевал бы со студентами под «калинку-малинку» и научил бы их пить русскую водку с соленым огурцом собственного приготовления.

Но я не Наташа, а студент-третьекурсник филологического факультета и знаю о русском языке уже довольно много, чтобы вот так вот запросто взяться за преподавание просто потому, что я сам говорю по-русски. В общем, это была сделка: с собой, с профессиональной этикой и с самой жизнью.

В мой первый преподавательский день в классе я обнаружил шестерых парней. Нам всем было не по себе. Я знал, что парни примерно моего возраста, но выглядели они явно старше. Смуглые, желтовато-коричневые лица, обветренные, почти бесцветные губы, одинаково черные густые шапки волос. Парни сутулились и держали руки под партами.

На меня они смотрели с недоверием. Сильно ухудшал ситуацию тот факт, что молодой человек за первой партой был косоглаз и его взгляд словно сковывал меня по обеим сторонам туловища:

левый луч — с правой стороны, а правый, соответственно, — с левой. Я боялся пошевелиться, у меня было чувство, что он специально поставил растяжку, чтобы в конце концов я угодил в нее и подорвался.

— Здравствуйте! — выдавил наконец я и попытался улыбнуться.

Они молча оцупали меня взглядами, остановились на моем лице и очевидно жалкой улыбке. Наконец один из парней, самый старший на вид, поднялся и произнес: «Здрави дала тувари парипудуват».

Я понял, что так их научил полковник на предучебном инструктаже. Это следовало перевести как «здравия желаю, товарищ преподаватель». По-русски они не говорили и также ровным счетом ничего не понимали.

Парень сел. Судя по всему, он и есть лидер группы. Лидер был склонным к полноте, широкобровым, волосы его торчали в разные стороны, на щеках двухдневная щетина. Выглядел парень грозно. На лице его не отразилось ничего, он даже не сделал попытки наладить контакт.

— Меня зовут Александр, — представился я и показал рукой себе на грудь. — Я — Александр. А-лек-сандр. Я — Александр, а вы?

Я вытянул руку вперед, показывая на сидящих.

— Хо, — отозвался вдруг косоглазый, показал на себя и четко произнес: — Мохаммад.

Где?

— Спасибо. Очень приятно, — сказал я и повторил: — Александр. Мохаммад.

После этой нехитрой процедуры я перевел взгляд на студента, сидевшего рядом с Мохаммадом.

— Биалал, — кивнул тот.

Я мысленно выдохнул. Это не было случайным совпадением, они действительно поняли, чего я хочу от них!

Биалал был высоким, здоровым, раза в полтора крупнее своего соседа. Он вытащил из-под парты одну руку, и я невольно задержал взгляд. Это была кисть дровосека. Ручка, которую он держал между пальцев, казалась размером со спичку. Биалал стал первым человеком в этом классе, который улыбнулся мне. Я улыбнулся еще шире.

Следующим представился Кашмир, парень, похожий на картинного арабского шейха. Тонкий нос, большие миндалевидные глаза. На мое приветствие Кашмир сощурился и что-то пробормотал на своем языке, но после сурового взгляда, который на него кинул староста, послушно промямлил свое имя.

Рядом с Кашмиром сидел сам староста, звали его Ахмадшах.

Первую парту второго ряда занимали Захарулла и Самандар. Захарулла был худым и адски черноглазым; черные отросшие кудри, венчавшие вытянутое огурцом лицо, делали его голову похожей на швабру. Самандар же был самый светлый из всех. Он взглянул на меня, и я заметил — глаза у этого перца совершенно круглые с вытянутыми кожными

стрелками по бокам, как будто кошачьи. Самандар отвел глаза и уставился в парту.

Мохаммад Ходайи, Билал Актари, Кашмир Хайдари, Ахмадшах Ширзад, Захарулла Хан и Самандар Садат. По списку я знал их всех. Теперь эти чудные для моего уха фамилии предстали в реальных образах ребят моей группы, и чем больше я всматривался в их темные непроницаемые глаза, чем дольше разглядывал их жесткие, плотно сомкнутые рты, острые каменные скулы, недоверчивые позы, тем отчетливее понимал, что ни о каком падеже номер шесть, а тем более о светских беседах не может быть и речи. Глупости. План рухнул. Методические ножки моего колосса оказались из глины и кизяка.

Мои студенты не знали ровным счетом ничего, чистые, ничем не омраченные нули. Они не удосужились изучить даже алфавит перед приездом в Россию и переломали языки задолго до слова «здравствуйте». Даже мое имя показалось им настолько сложным, что пришлось согласиться на витиеватое и нескромное Саша-джан.

Зачем?

«Зачем?» и «Почему?». Ненавижу, когда условная жена европейца Наташа путает эти два слова, хотя все очень просто: зачем — это вопрос о цели, а почему — о причине.

Но это грамматика, а в жизни отличить «зачем» от «почему» не всегда просто. «Цель» — точно не то слово, которое двигало моей рукой, когда я подписывал полугодичный контракт на работу со студентами из Афганистана. Цели у меня не было. Во всяком случае, никакой определенной цели. Может быть, что-то в подсознании, так сказать, имплицитно, но и это вряд ли. Имелась ли причина? Пожалуй, да.

Выползая из аудитории после первого занятия, я как раз подумал о причине. Я был мокрый, как будто меня окатили из ведра. Всю пару я занимался тем, что шарил по карманам своей памяти,

как алкоголик, потерявший последние деньги на водку, не находил ничего, пугался, смущался и потел. И так час тридцать. Я не мог вспомнить ни слова из прочитанных методичек, не понимал, что несу и на каком я свете вообще нахожусь.

Преподавать без всякого опыта работы, с незаконченным образованием я устроился по блату.

— Любой третьекурсник справится, — заявила моя тетка Виктория.

Это, безусловно, был заход со стороны честолюбия. Виктория тоже филолог, кандидат наук, ее крутизна недосыгаема, авторитет упирается кроной в поднебесную, а брат на слабо — ее любимый приемчик. Вика — младшая сестра моей мамы. Несмотря на то что слово «тетя», «тетка» или тем более «тетушка» звучит по-взрослому благоразумно, Виктория не очень соответствует образу от этого слова. Она старше меня на двенадцать лет, и фактически мы выросли с ней как брат с сестрой в дореволюционных семьях, где у старших и младших детей могла быть разница и побольше.

Моя тетка — эксперт-филолог, и у нас с ней вроде как семейный бизнес. Мы работаем на прокуратуру и следственный комитет, иногда берем дела от частных заказчиков через адвокатов. Вернее, работает Виктория, а я помогаю, можно сказать, что я секретарь. Дело у нас довольно прибыльное, потому что язык и жизнь в последнее время стали совершенно неразделимы. Например, мы ищем мошенников, плагиаторов, вымогателей, а ино-

гда даже настоящих убийц по записям в Фейсбуке, эсэмэскам, почте, запискам, камментам на сайтах. Вика может многое сказать о человеке по его ошибкам и фигурам речи: молод он или стар, образован или не очень, конфликтен, склонен ли к агрессии, глуп или умен. Мы находим манипуляции в предвыборных кампаниях, выявляем обманщиков и мошенников среди предпринимателей, обличаем клеветников, помогаем отбивать информационные атаки.

В тот злосчастный день тетка, как обычно, работала дома, где я ее и застал, вернувшись после занятий в универе, чтобы занести ей молоко. Вика любит кофе с молоком, особенно когда работает, но не любит вставать с дивана, и поэтому если не принести то, о чем она просит, то это будет кофе без молока, бутерброды без хлеба, а однажды были пельмени без пельменей. Да, представьте себе — вода с приправкой. Потом, конечно, будет обострение гастрита, вопли самой Вики, вопли моей мамы, давление бабушки. Упреки, что ж я за человек такой!

В общем, если вы боитесь ада, поживите в семье амазонок вроде моей: отличная тренировка перед любой преисподней.

Я, конечно, люблю Вику. По праву старшей, она многому меня научила, но вот быть старшей и вести себя как старшая — это совершенно разные вещи. В наше время люди не торопятся взрослеть. Вика в ее тридцать с небольшим хвостиком не то